

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Особое посвящение</i>	7
<i>Ог Мандино вспоминает</i>	9
Глава первая.....	13
Глава вторая.....	21
Глава третья.....	29
Глава четвертая.....	39
Глава пятая.....	49
Глава шестая.....	57
Глава седьмая.....	69
Глава восьмая.....	79
Глава девятая.....	87
Глава десятая.....	91
Глава одиннадцатая.....	97
Глава двенадцатая.....	103
Глава тринадцатая.....	109
Глава четырнадцатая.....	113
Глава пятнадцатая.....	119
Глава шестнадцатая.....	123
Глава семнадцатая.....	129
Глава восемнадцатая.....	133
Глава девятнадцатая.....	137
<i>Об авторе</i>	142

ОСОБОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Двенадцать лет был он мне верным другом и терпеливо сидел подле меня ночами напролет, пока я в муках превращал предложения в абзацы, абзацы в страницы, а страницы в книги.

Частенько, уже глубокой ночью, дремал он у моих ног под шумный стрекот моей печатной машинки, никогда не смыкая век до конца, словно всегда был начеку, готовый прийти на помощь в любое мгновение.

За многие годы я излил на него сотни писательских проблем, и всегда он выслушивал меня с огромным терпением и пониманием. В результате моих с ним дискуссий на свет появилось столько персонажей и сюжетных ходов, что сейчас я даже не представляю, как буду без него обходиться.

Его диванчик, стоящий возле моего рабочего стола, кажется таким огромным... и таким пустым. Слезы наворачиваются на глаза, стоит мне, забывшись, обратиться к нему и снова вспомнить, что его нет на любимом месте и уже никогда не будет.

Старина Слипперс, мой милый бассет, я чертовски по тебе скучаю, и если эта книга и любые другие когда-нибудь увидят свет, то только потому, что ты где-то там, на небесах, на своем маленьком диванчике, одобрителем лаем подбадриваешь старого друга.

Эта книга со всей любовью посвящается тебе, малыш...

Ог

ОГ МАНДИНО ВСПОМИНАЕТ

Если не принимать во внимание пятисотый по счету хоум-ран за спортивную карьеру Микки Мэнтла, первую операцию по пересадке сердца, проведенную доктором Кристианом Барнардом, и выступления Барбары Стрейзанд в Центральном парке, 1967 год вряд ли можно считать удачным.

Он был отмечен расовыми беспорядками в Кливленде, Ньюарке и Детройте, кровавой шестидневной войной между израильтянами и арабами, испытанием Китайской Народной Республикой первой водородной бомбы, бомбардировкой американской авиацией города Ханоя и гибелью трех американских астронавтов во время наземных испытаний.

Когда мир, погруженный в хаос и ужас, балансировал на краю гибели, мне довелось испытать чувство величайшей гордости, которое невозможно забыть: я наконец-то держал в руках первое издание своей крошечной книги — «Самый великий торговец в мире».

Публикация в одном ряду с выдающимися творениями таких мэтров, как Гор Видал, Исаак Башевис-Зингер, Торнтон Уайлдер, Уильям Голдинг и Леон Юрис, в раз-

гар столь драматичных событий не сулила ничего хорошего моей первой пробе пера. Казалось, моей притче о погонщике верблюдов, жившем в одно время с Иисусом Христом, была уготована та же участь неизвестности, что и тысячам других книг, вышедших той же осенью, несмотря на героические усилия Фредерика Фелла, считавшего мое первое детище одной из важнейших книг, опубликованных им за последние двадцать пять лет.

Но случилось чудо. Вернее, даже два чуда. Пионер страхового бизнеса, Клемент Стоун, которому я посвятил книгу в знак благодарности за помощь и дружбу, был так тронут этой историей, что заказал 10 тысяч экземпляров «Самого великого торговца в мире» и раздал всем сотрудникам и акционерам своей гигантской компании Combined Insurance. А Рич Девос, основатель Amway International, в своих выступлениях по всей стране начал рекомендовать тысячам дистрибьюторов изучать и применять принципы успеха, описанные в книге Ога Мандино.

Семена, брошенные этими двумя влиятельными людьми, принесли обильный урожай. Благодаря растущей армии читателей, принявших добровольное участие в самой масштабной рекламной кампании в истории издательского дела, продажи книги, к моему величайшему восторгу и изумлению, росли с каждым годом. К 1973 году она выдержала (кто бы мог подумать!) тридцать шесть переизданий, разошлась общим тиражом более 400 тысяч экземпляров в твердой обложке, а Пол Натан из журнала Publishers Weekly провозгласил ее «бестселлером, о котором никто не знает». Она ни разу не попала ни в один список бестселлеров, пока издатель-

ство Bantam Books не приобрело права на ее издание в мягкой обложке, не организовало национальную рекламную кампанию и не опубликовало свое первое издание в 1974 году.

Я не устаю поражаться тому, на сколь разных людей повлияла моя история о десяти свитках с принципами счастья и успеха, доставшихся отважному погонщику верблюдов, который однажды вечером по воле случая оказался в пещере близ Вифлеема. Заключение писали, что до последнего слова выучили имевшиеся у них потрепанные книжицы; боровшиеся с алкогольной и наркотической зависимостью признавались, что спят, положив эту книгу под подушку; президенты компаний из списка Fortune 500 раздавали экземпляры «Самого великого торговца в мире» подчиненным, а такие звезды, как Джонни Кэш и Майкл Джексон, неустанно пели ей дифирамбы.

Человеку, который и в самых смелых мечтах не предполагал, что его литературный опус будут читать не только родственники, трудно осознать, что «Самый великий торговец в мире» разошелся в количестве более девяти миллионов экземпляров на семнадцати языках и завоевал статус бестселлера всех времен для торговых агентов.

На протяжении многих лет читатели убеждали меня написать продолжение книги, являющейся бестселлером вот уже двадцать лет, ведь я, в отличие от своего литературного героя, не отошел от дел. С тех пор как книга «Самый великий торговец в мире» впервые увидела свет, из-под моего пера вышло двенадцать других книг, а

я продолжал колесить по планете, выступая перед многочисленными поклонниками.

Поначалу меня совершенно не прельщала идея писать продолжение. Эта книга коренным образом изменила и мою жизнь, и жизнь моей семьи, и я не хотел рисковать, поскольку продолжение могло испортить впечатление о первой книге. К тому же для моего героя Хафида, как и для меня в реальной жизни, пролетело двадцать лет, и в продолжении ему будет уже не меньше шестидесяти, а что мне делать с этим пожилым господином, я и понятия не имел. И вот однажды утром, когда я летел в Лиссабон, чтобы открыть ежегодное собрание ведущих производителей компании North American, мне подумалось: а ведь я всего на пару лет старше Хафида, но вот погляди-ка, все еще пишу и летаю по миру, выступаю и даю интервью на радио и телевидении, не говоря уже о том, что, играя в гольф, могу забросить мяч на 230 метров. Если я могу работать и жить полноценной жизнью, то почему он не может? Вот тогда-то я и решил: самый великий торговец в мире снова должен появиться на сцене.

Будь вы старым другом Хафида или это ваша первая с ним встреча, я приветствую вас с любовью. Читайте с удовольствием, и пусть слова и идеи, которые несет эта книга, облегчат вашу ношу и осветят ваш путь так же, как и ее предшественница.

Скоттсдейл, Аризона

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На окраине Дамаска, в великолепном дворце из полированного мрамора, окруженном гигантскими пальмами, жил один необыкновенный человек по имени Хафид. Теперь он отошел от дел, но когда-то его обширная торговая империя не ведала границ, простираясь так далеко — от Парфии до Рима и Британии, — что повсюду его величали не иначе как самым великим торговцем в мире.

К тому моменту, когда он, имея за плечами двадцать шесть лет успеха и процветания, оставил поприще коммерции, удивительная история Хафида, прошедшего путь от бедного погонщика верблюдов до влиятельнейшего и богатейшего человека, облетела весь цивилизованный мир.

В те времена великих потрясений и бедствий, когда весь цивилизованный мир смиренно преклонил колени перед Цезарем и его армией, слава и репутация Хафида превратили его практически в живую легенду, особенно в глазах бедных и угнетенных Палестины — отдаленного региона на восточной границе империи, прославлявших Хафида из Дамаска в стихах и песнях как выдающийся

пример того, чего можно добиться в жизни, невзирая на препятствия и трудности.

Но при всем этом самому великому торговцу в мире, оставившему столь внушительное наследие и обладавшему состоянием в несколько миллионов золотых талантов, затворничество не принесло счастья.

Однажды утром на рассвете, точно так же, как и каждый день на протяжении многих последних лет, Хафид вышел из дворца через заднюю дверь и, осторожно ступая по мокрой от росы полированной базальтовой плитке, решительно пересек огромный тенистый внутренний двор. Где-то далеко одинокий петух кукареканьем возвестил о появлении солнца, чьи первые серебряные и золотые лучи прорезали пустыню с востока.

Хафид остановился у восьмиугольного фонтана, расположенного в центре двора, и глубоко вдохнул, одобритительно кивая при виде бледно-желтых цветов жасмина, цепляющихся за высокие каменные стены, что окружали его владения. Он затянул потуже кожаный пояс, оправил тунику из тонкого льна и размеренным шагом двинулся дальше, пока, пройдя под сводом из кипарисовых веток, не оказался у величественной гранитной гробницы, лишенной каких бы то ни было украшений.

— Доброе утро, моя возлюбленная Лиша, — прошептал Хафид, протягивая руку и нежно глядя бутон белой розы, распускавшийся на единственном кусте, который, словно страж, охранял тяжелую бронзовую дверь. Затем он опустился на стоявшую рядом резную скамейку из красного дерева, глядя на спальню, где покоились останки любимой женщины, делившей с ним все жизненные невзгоды и радости.

Хафид закрыл глаза и вдруг почувствовал на плече руку и услышал знакомый хриплый голос своего многолетнего счетовода и преданного друга Эразмуса.

— Простите, господин...

— Доброе утро, старина.

Эразмус улыбнулся, указывая на солнце, которое уже стояло в зените.

— Утро уже закончилось, господин. Добрый день.

Хафид издал глубокий вздох и покачал головой.

— Еще одна беда старости. Не спишь по ночам, встаешь до рассвета, а потом, как котенок, весь день в полусне. Никакой логики. Никакой.

Эразмус кивнул и сложил руки, ожидая прослушать очередную лекцию о напастьях преклонного возраста. Однако это утро оказалось непохожим на все предыдущие, поскольку Хафид вскочил на ноги и преодолел расстояние до усыпальницы в несколько широких прыжков. Затем он коснулся каменных стен и громко воскликнул:

— Я превратился в жалкое подобие человека! Эразмус, скажи мне, сколько времени я, как последний эгоист, веду эту затворническую жизнь, развлекаясь лишь жалостью к самому себе?

Эразмус некоторое время смотрел на него, широко раскрыв глаза, после чего ответил:

— Заметные перемены начали происходить в вас после смерти Лиши и вашего необъяснимого решения избавиться от лавок и караванов, следовавшего за ее погребением. Четырнадцать лет прошло с тех пор, как вы решили удалиться от мира.

На глаза Хафида навернулись слезы.